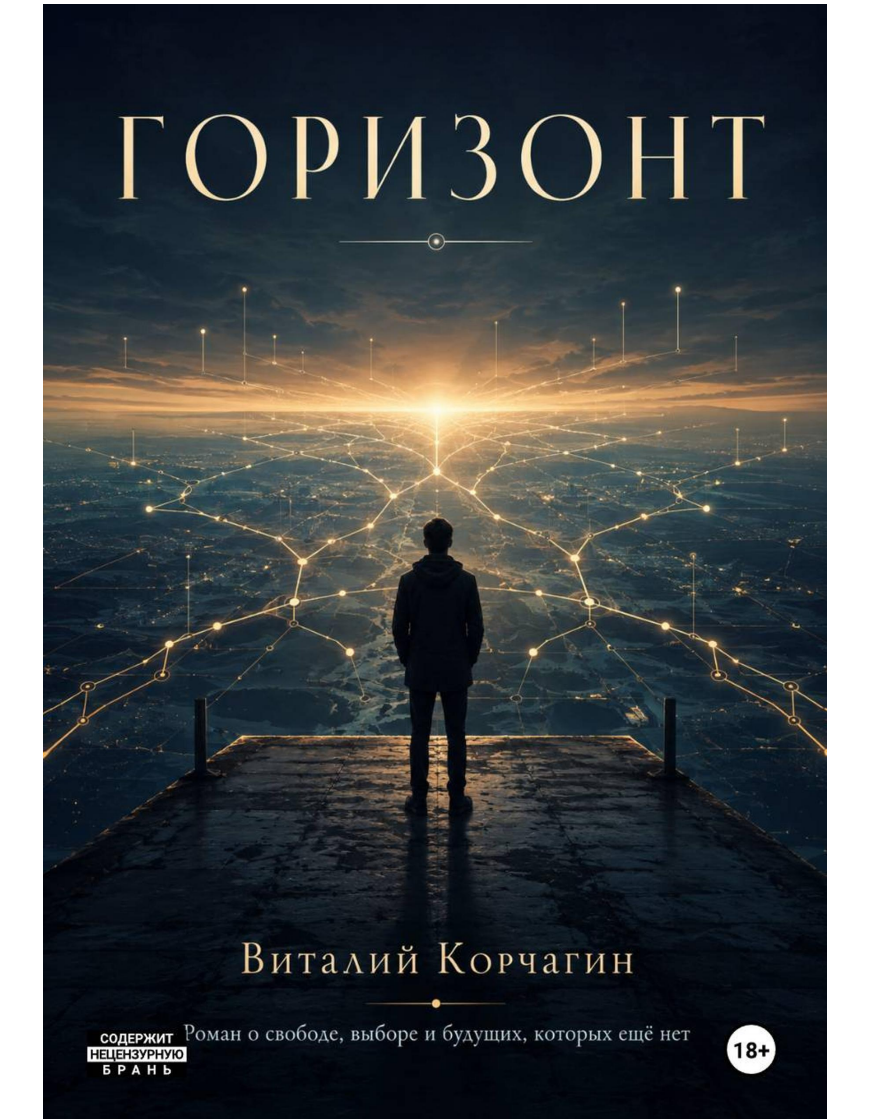

ГОРИЗОНТ

The background of the cover is a composite image. At the bottom, a person in a dark jacket stands on a dark, reflective pier or rooftop, looking out towards the horizon. The horizon is a bright, glowing line of light, possibly a sunset or sunrise. Above the horizon, a complex network of glowing yellow lines and nodes spreads across the sky, resembling a digital or neural network. The sky is a deep blue with some clouds. The overall mood is contemplative and futuristic.

Виталий Корчагин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Роман о свободе, выборе и будущих, которых ещё нет

18+

Виталий Корчагин

Горизонт

<https://litres.ru/74356839>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Горизонт» — роман о мире, где свободу научились измерять количеством доступных будущих. Но что, если настоящий выбор не просто закрывает возможности, а создаёт такие, которых раньше вообще не существовало?

Для более полного погружения рекомендуется начать с книг «Человек в уравнении» и «Неприсваиваемый наблюдатель».

Содержание

1. Индекс	5
2. Самый свободный человек	10
3. Мастерская	16
4. Ошибка 417	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виталий Корчагин

Горизонт

Есть решения, которые выбирают будущее.

*А есть решения, после которых появляются будущие,
которых раньше не существовало.*

1. Индекс

В семь сорок две утра Алексей Соколов узнал, что свободен на восемьдесят три целых семь десятых процента.

Он стоял босиком на кухне, ждал, когда чайник перестанет шуметь, и смотрел на уведомление в телефоне.

ГОРИЗОНТ: 83,7 ↑ 0,4

Ниже шёл обычный набор пояснений:

- профессиональная мобильность: высокая;
- географическая мобильность: высокая;
- долговая связанность: низкая;
- семейная связанность: низкая;
- медицинские ограничения: незначительные;
- репутационная инерция: средняя;
- социальная ветвимость: высокая.

В конце система поздравляла его с тем, что за прошедший квартал количество устойчивых жизненных траекторий увеличилось на 1 284.

Алексей поставил кружку на стол.

— Ну охуеть, — сказал он.

Телефон, разумеется, не ответил.

Он жил один, снимал двухкомнатную квартиру недалеко от станции «Площадь Конституции» и работал ведущим разработчиком в Департаменте расчёта горизонтов. Ведущим он стал три года назад, когда отказался от должности руко-

водителя группы.

Отказ повысил его индекс на 2,1 пункта.

Руководящая должность уменьшала профессиональную обратимость, повышала репутационную связанность и увеличивала вероятность долгосрочной привязки к одному сектору. Система посчитала, что выбор невыгоден.

Начальник тогда сказал:

— Ты понимаешь, что это повышение?

— Именно поэтому я и отказываюсь.

Начальник посмотрел на него с уважением.

В мире, где свободу можно было измерить, умение не выбирать считалось почти зрелостью.

Горизонт появился двадцать шесть лет назад как исследовательский проект страховой компании. Первые модели оценивали вероятность того, что клиент через пять лет сможет сменить работу без падения дохода. Затем выяснилось, что тот же аппарат годится для образования, городской политики, медицины, кредитования и социальной поддержки.

Очень быстро вопрос изменился.

Не «что с человеком случится?», а:

сколько разных устойчивых вещей вообще может с ним случиться?

Государство заинтересовалось.

Потом заинтересовались международные организации.

Потом родители.

Потом сайты знакомств.

Последними сдались университеты, но и они вскоре начали рекламировать не среднюю зарплату выпускников, а **прост горизонта за четыре года обучения**.

К двадцать первому году Индекс потенциальной свободы — ИПС, в быту просто Горизонт — стал таким же обычным числом, как возраст, кредитный рейтинг или температура воздуха.

Людей с индексом выше девяноста называли открытыми.

Ниже сорока — связанными.

Ниже двадцати — замкнутыми.

Само слово «несвободный» считалось грубым и постепенно исчезло из официальной речи.

Алексей писал код для центральной модели уже девять лет и был одним из тех людей, которым нравилось, когда большая философская идея превращалась в функцию с понятными входными параметрами.

Его отдел не решал, что человек должен делать.

Это считалось принципиальным.

Они только оценивали доступность переходов.

Работа А вела к работе Б с такой-то вероятностью и такой-то ценой. Город В открывал такие-то образовательные, социальные и медицинские ветви. Брак изменял структуру обязательств. Ребёнок создавал новые траектории, но одновременно делал часть старых практически недостижимыми. Болезнь могла резко срезать дерево. Хорошая страховка возвращала часть ветвей.

Никакой морали.

Только граф.

По крайней мере, так было написано в документации.

В девять пятнадцать начался понедельничный созвон.

На экране появилось двенадцать лиц, семь из которых явно занимались чем-то ещё.

— По ядру расчёта есть блокиеры? — спросила Марина, руководитель отдела.

— Нет, — сказал Алексей.

— Отлично.

И перешла к следующему.

Алексей отключил микрофон и ещё раз посмотрел на свой индекс.

83,7.

В верхнем правом углу интерфейса мигала маленькая серая точка.

Ночной пересчёт завершился с предупреждением.

Он открыл журнал.

MODEL_DRIFT: cohort 417-B

unexpected horizon expansion after irreversible transition

confidence: 0.9981

Алексей нахмурился.

Необратимые переходы почти всегда уменьшали индивидуальный горизонт.

Так работала математика.

Ты не мог одновременно жениться и не жениться. Пере-

ехать и остаться. Родить ребёнка и продолжить жить в мире, где у тебя нет ребёнка. Подписать контракт на десять лет и сохранить все варианты, существовавшие до подписи.

Любой выбор удалял ветви.

Это не было трагедией. Просто геометрия.

Но группа 417-В после нескольких необратимых решений почему-то получила **больше доступных будущих**, чем до них.

Алексей приблизил граф.

Сначала ему показалось, что перепутаны идентификаторы.

Потом — что модель дважды посчитала одни и те же состояния.

Через сорок минут он понял, что данные чистые.

Через час написал в служебном чате:

Кто трогал генератор вторичных переходов?

Никто не ответил.

Через две минуты Марина поставила реакцию «нравится».

Это почему-то раздражало сильнее всего.

2. Самый свободный человек

Самого свободного человека страны звали Максим Велихов.

Ему было сорок четыре. Он не был женат, не имел детей, собственности, постоянной профессии и публичных политических позиций. Он говорил на пяти языках, имел медицинские сертификаты трёх юрисдикций, два высших образования, право на проживание в девяти странах и инвестиционный портфель, распределённый так аккуратно, будто его собирал не человек, а инструкция по диверсификации.

Его Горизонт составлял 97,9.

Выше не было ни у кого.

Максим регулярно выступал на конференциях, где рассказывал о свободе от преждевременной фиксации.

— Главная ошибка человека, — говорил он, — принимать временное направление за идентичность.

Эту фразу печатали на футболках.

Одна такая футболка лежала у Алексея в шкафу. Её подарили на десятилетие Департамента.

В тот же день, когда появилась ошибка 417-В, Максим приехал к ним на запись интервью для государственного канала.

Алексей увидел его в столовой.

Самый свободный человек страны ел гречку с котлетой.

В этом было что-то успокаивающее.

— Вы Соколов? — спросил Максим, неожиданно сядясь напротив.

— Да.

— Вы писали ранний модуль обратимости?

Алексей посмотрел на него внимательнее.

— Часть.

— Хорошая работа.

— Спасибо.

Максим ел медленно и без телефона. На запястье у него не было часов.

— Можно спросить? — сказал Алексей.

— Конечно.

— Вы реально пользуетесь своим индексом при принятии решений?

Максим улыбнулся.

— Вы хотите спросить, не превратил ли я свою жизнь в обслуживание метрики?

— Примерно.

— Разумеется превратил.

Алексей рассмеялся, решив, что это шутка.

Максим не рассмеялся.

— Когда тебе двадцать пять и система показывает, что один выбор закроет три тысячи траекторий, — продолжил он, — ты чувствуешь благодарность. Как будто кто-то успел остановить тебя перед ошибкой.

— А потом?

— Потом ты начинаешь замечать закрывающиеся двери даже без системы.

Он отодвинул тарелку.

— Я однажды был помолвлен.

Алексей не знал этого. В биографиях Велихова обычно писали только «не женат».

— И?

— За неделю до свадьбы индекс должен был упасть с девяноста двух до восьмидесяти одного. Я отменил свадьбу.

— Из-за одиннадцати пунктов?

— Нет. Из-за того, что впервые увидел все варианты, которые исчезнут.

— Жалеете?

Максим задумался.

— Это неправильный вопрос.

— Почему?

— Потому что сожаление сравнивает реальность с одной альтернативой. А я отказался ради тысяч.

Он сказал это спокойно, но что-то в его лице не совпадало с формулировкой.

— И что вы сделали с тысячами?

Максим посмотрел на Алексея.

Очень долго.

Потом улыбнулся.

— Вот это правильный вопрос.

К нему подошла девушка из съёмочной группы.

— Максим Андреевич, мы готовы.

Он встал.

— Если когда-нибудь получите ответ, Соколов, напишите мне.

— На что?

— На вопрос, что делать с возможностями, которые ты сохранил.

После его ухода Алексей открыл карточку группы 417-В.
В ней было 312 человек.

Большинство ничем не выделялись.

Средний возраст — тридцать семь.

Средний начальный индекс — 61,4.

Средний индекс после необратимого перехода — 68,2.

Рост почти на семь пунктов.

Невозможно.

Он отсортировал переходы.

Брак.

Переезд в малый город.

Рождение ребёнка.

Создание компании.

Уход из стабильной профессии.

Принятие долгосрочной опеки над родственником.

Покупка мастерской.

Возвращение в родной регион.

Ни один из этих переходов не выглядел как способ увели-

чить свободу.

Некоторые были почти учебниковыми примерами снижения обратимости.

Но через три-пять лет дерево почему-то становилось шире.

Особенно у одного человека.

Елена Миронова, 39 лет.

Начальный индекс: 58,1.

После перехода: 42,7.

Через четыре года: 76,3.

Переход: переезд в посёлок Ладожский Берег, покупка заброшенной лодочной мастерской.

Алексей открыл историю.

В первый год почти все ветви действительно исчезли.

Во второй появились новые.

В третий — ещё больше.

На четвёртый модель перестала помещать их на стандартный граф.

Страннее всего было то, что большая часть новых траекторий принадлежала не самой Мироновой.

Они появлялись **у других людей рядом с ней.**

А затем возвращались к ней через новые связи.

Алексей откинулся на спинку кресла.

— Что за херня.

Сосед по столу поднял голову.

— Чего?

— Ничего.

Он создал локальную копию данных.

И впервые за девять лет работы нарушил внутренний регламент.

3. Мастерская

До Ладожского Берега электричка шла два часа девятнадцать минут.

Алексей мог запросить дистанционное интервью, отправить регионального инспектора или заказать автоматическую проверку данных.

Вместо этого в субботу утром он сидел у окна вагона и смотрел, как Петербург медленно превращается в лес, склады, дачи и редкие станции.

Свой поступок он объяснял профессиональной ответственностью.

Телефон сообщил, что поездка снизила его недельный индекс мобильности на 0,02 из-за потерянного времени.

Алексей выключил уведомления.

Мастерская Мироновой стояла у воды.

Старое кирпичное здание с огромными деревянными воротами, пристройкой из металла и вывеской:

«СЕВЕРНЫЙ ХОД. ЛОДКИ, МОТОРЫ, ДЕРЕВО. ЕСЛИ НЕ ЗНАЕМ — РАЗБЕРЁМСЯ».

Последняя часть выглядела как нарушение закона о рекламе.

Внутри пахло древесиной, маслом и холодной водой.

Женщина в сером свитере шлифовала длинную доску.

— Елена Миронова?

— Смотри кто спрашивает.

— Алексей Соколов. Департамент расчёта горизонтов.

Шлифмашина выключилась.

— Ой, господи.

— Что?

— Я налоги заплатила.

— Я не из налоговой.

— Это я поняла. Поэтому и хуже.

Елена сняла защитные очки.

— Чего вам?

Алексей показал удостоверение.

— Ваши данные попали в выборку с аномальным изменением индекса. Я пытаюсь понять причину.

— А я думала, вы всё понимаете.

— Обычно да.

— Очень убедительно.

Из глубины мастерской вышел подросток лет шестнадцати с канистрой.

— Лена, там опять третий цилиндр...

— Поставь на стол. Через десять минут посмотрю.

Он кивнул Алексею и исчез.

— Сын? — спросил Алексей.

— Нет.

— Сотрудник?

— Иногда.

— Кто тогда?

Елена пожала плечами.

— Илья.

Это был первый ответ за день, который не помещался в анкету.

Они сели в маленькой комнате возле печки.

Алексей открыл планшет.

— Четыре года назад вы работали финансовым аналитиком.

— Угу.

— Индекс 58,1.

— Не помню.

— Потом вы уволились, продали квартиру и купили это здание.

— Да.

— После этого индекс упал до 42,7.

— Наверное.

— Вас это не остановило?

Елена посмотрела на него так, будто вопрос был странным.

— Я хотела мастерскую.

— Но вы понимали, сколько вариантов закрываете?

— Конечно. Приложение визжало неделю.

— И?

— Закрыла.

— Что?

— Приложение.

Алексей записал что-то, скорее чтобы сохранить профессиональный вид.

— А потом что произошло?

— В каком смысле?

— Через два года ваш индекс начал расти.

— Поздравляю.

— Елена, я серьёзно.

Она вздохнула.

— Ну хорошо. Сначала я ремонтировала лодки. Потом выяснилось, что половина местных моторов чинится только у деда Коли, но он никого не учит. Я стала таскать ему чай и спрашивать. Потом он начал приходить сюда.

— Дед Коля — сотрудник?

— Нет. Дед Коля.

Алексей перестал печатать.

— Потом?

— Потом Илья начал прогуливать школу и шататься здесь. Я научила его стеклопластику. Потом его мать устроилась в кафе у Светы, потому что я познакомила их. Потом Света начала возить сюда туристов. Потом понадобились две лодки. Потом Вадик сделал сайт. Потом мы скинулись и починили пирс. Потом сюда переехала Настя, она делает керамику. Потом приехали ребята из университета испытывать свой электромотор. Потом...

— Стоп.

Елена замолчала.

Алексей смотрел на граф, который строился на экране.
Каждое «потом» создавало новый узел.

Некоторые узлы порождали собственные ветвления.

И почти все возвращались к мастерской.

Не потому, что Елена контролировала их.

Мастерская просто стала местом пересечения.

— Вы понимаете, что сделали? — спросил Алексей.

— Пирс?

— Нет.

— С пирсом мы реально заебались.

— Вы создали новые переходы.

— Я лодки чиню.

— Не только для себя. Для других людей.

— Люди обычно друг для друга что-нибудь создают.

Алексей замолчал.

Фраза была настолько очевидной, что почти оскорбляла.

Модель Горизонта считала социальные связи. Конечно считала. Но в основном как ресурс уже существующих возможностей: знакомый врач, потенциальный работодатель, родственник в другом городе.

Она умела считать **доступ по связи**.

Но значительно хуже считала ситуации, когда сама связь создавала новое состояние, которого прежде не существовало ни у одного участника.

— Можно я посмотрю мастерскую?

— Уже смотрите.

— Я имею в виду всё.

Елена снова надела очки.

— Только ничего не оптимизируйте.

4. Ошибка 417

В понедельник Алексей пришёл на работу раньше всех.

Он выгрузил данные по Ладожскому Берегу за пять лет и построил не индивидуальные деревья, а общий граф.

На экране появилось то, чего центральная модель почти никогда не показывала.

Будущие разных людей переплетались.

Не как сумма.

Как генератор.

Если Елена не покупала мастерскую, не появлялся новый пирс.

Без пирса не появлялся летний маршрут.

Без маршрута не открывалось кафе.

Без кафе мать Ильи не оставалась в посёлке.

Без этого Илья, вероятно, уезжал к отцу в Череповец.

Без Ильи через три года не возникала компания по ремонту электромоторов, которую он создавал вместе с двумя студентами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.